

МАРИНА ДЯЧЕНКО
СЕРГЕЙ ДЯЧЕНКО

ВЕДЬМИН ВЕК

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д99

Дяченко, Марина Юрьевна.

Д99 Ведьмин век / Марина Дяченко, Сергей Дяченко. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 736 с. — (Лучшая фантастика Марины и Сергея Дяченко).

ISBN 978-5-699-95299-1

Мир, очень похожий на наш, только мёртвые там иногда возвращаются, чтобы забрать к себе живых, но за нежитью охотятся беспощадные чужастры. А ещё в нём есть ведьмы и уничтожающая их инквизиция. Впрочем, с ними всё не так фатально — неинициированной ведьме нужно просто зарегистрироваться — стать под надзор. Инициированным же ведьмам пощады нет, никто к ним не проявит сострадания, но ведь и они нас ни капельки не жалеют.

Да только рыжая ведьма Ивга не хочет под надзор. Она нормальная женщина и хочет любви. Но для любви ли время, когда грядёт пришествие Матери-ведьмы? Ребром становится вопрос — Мы или Они...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95299-1

© Дяченко М.Ю., Дяченко С.С., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ВЕДЬМИН
ВЕК

Пролог

То, что он собирался сделать, вот уже много веков носило на себе печать негласного запрета. То, что он собирался сделать, пугало его самого — но он умело гнал от себя страх. Две сухие палочки — одна в другой — были идеально притерты друг к другу. Готов был хворост, и готов был мох, высохший, ломкий, готовый с благодарностью принять любую, самую маленькую искру.

И прежде чем взяться за тяжелую работу, он положил ладони на землю и попросил ее о снисхождении.

За его спиной молчали исполинские ели в тяжелых платьях до самой земли. Нижние их ветви, частью сухие, подрагивали, как черные руки; зеленый пышный мох свисал со стволов неопрятной бородой.

Молчал туман, стекающий по склону в долину; молчали дальние горы — та, что поближе, зеленая, другая — синяя, а самая дальняя — серая, как небо. Далеко-далеко позвякивал колокольчик — хороший хозяин привесил его на шею тонкорунному барану, добрый хозяин, звонкий, звонкий колокольчик...

От приземистого неприметного жилья, наполовину скрытого теперь туманом, тянуло запахом дыма.

Он перевел дыхание. Медленно расстегнул ремешок наручных часов, смял, засунул глубоко в карман, помассировал запястье; в последний раз огляделся вокруг — и взялся за работу.

Чистый огонь рождается только так — трением дерева о дерево.

Чистая ватра поднимется до неба, и тогда на несколько коротких часов человек окажется в безопасности. Потом огонь прогорит — и надо будет до утра сторожить горячие угли, чтобы *та* не явилась...

Впрочем, *та* может прийти и теперь. Теперь, когда он за работой и беззащитен; она уже почуяла угрозу, исходящую из его рук, и, возможно, нервно принюхивается, вода носом из стороны в сторону, ловя ветерки, дуновения, запахи...

А может быть, она уже спешит сюда; человек снова оглянулся — и утроил усилия.

То, что он делал, носило на себе печать негласного запрета — но разве у него был другой выход?

Разве он умел защитить себя иначе — себя, своих детей, свою скотину, свой дом?..

Пусть те, что живут в деревне, это пусть они откупаются. Пытаются *ее* задобрить; он, чьи предки годами не сходили в долину, чьи предки не ложились рядом с людьми на кладбище — а только здесь, на горе, у дома, в одной ограде... Он никому не станет кланяться. Он поможет себе сам.

Дерево пахло дымом. Дым поднимался из-под его рук, еще немного, если *ведьма* не явится сейчас, — значит, он почти победил.

Дым. Сладостный запах дыма. Быстро произнесенная ритуальная фраза, щепотка земли и щепотка соли — вот оно, чистое пламя...

Несколько секунд он блаженно отдышал; потом поднялся и подбросил хвороста. Огонь трещал, разгораясь, выгоняя наружу синие узловатые клубы. Чистый огонь. Рано утром он проведет через остывшие угли детей — и они будут здоровы. Проведет корову — и дети будут сыты... И пройдет сам. И зашьет черный уголек в мешочек, и повесит себе на шею, и, встретив *ее*, смело посмотрит в глаза...

Он вздрогнул. Ему показалось, что искры, высыпавшиеся в темно-серое небо, летят *не так*.

Здесь? *Она* здесь? Или ему померещилось?..

Он до боли в глазах оглядывал темнеющую гору, и дальние склоны, и ближние стволы; искры сыпались теперь *как надо*. Значит, померещилось. Значит, подождем...

Он уселся снова. И сцепил пальцы на рукояти острой, древней, как смереки, бартки.

Ватра горела. Гибкий оранжевый язык, вылизывающий небо; человеку казалось, что мир вокруг чернеет, не в силах соперничать в красках с чистым огнем. Что он слепнет, что в глазах его пляшут огненные круги, что в мире нет ничего, кроме этого обволакивающего, дающего силу света.

Он опустил веки, и огненно-желтый свет сменился ярко-красным.

Где-то ухал филин и возились под корнями мыши; человек смотрел на красный круг, горящий на внутренней поверхности его век, и видел, как среди яркого белого дня по крутой тропинке с трудом взбирается его жена, беременная младшим сыном. Он смотрел, как осторожно она ставит отекающие ноги, как испуганно хватается рукой за его вовремя протянутую руку — и тоска, и нежность, и боль утраты забивали ему горло, не давая перевести дыхание.

Металлический отблеск неподвижного топорика. Тишина. Остановилось время.

Он открыл глаза; теперь ему виделись его дети, опасливой вереницей проходящие по остывшим углям. Старший, с вечно опущенными уголками рта, мрачноватый и жесткий, и лицом и характером похожий на своего сурового деда; средний, похожий на мать, светловолосый и любопытный, с вечно удивленными зелеными глазами и шрамиком над верхней губой; младший, полторагодовалый, не знавший материнского молока, с трудом переступающий тонкими слабыми ножками...

Человек прерывисто вздохнул.

Он смотрел в огонь, и ему казалось, что и горы и лес смотрят в пламя тоже. Что и горы и лес вздрагивают, удивляясь его смелости; давным-давно никто не зажигал здесь

чистого огня, одна только искра которого может дотла спалить полмира...

Ветер переменял направление.

Человек по-прежнему сидел неподвижно, но теперь глаза его ни на секунду не прекращали обшаривать темноту за гранью огненного круга. Может прийти и чутайстер. Может прийти, чтобы танцевать у огня, скверное, скверное соседство...

Далеко, в темноте, на пороге приземистого дома пискнул приемник, знаменуя наступление полуночи.

Чуть заметное напряжение пробежало по подсвеченным лапам смерек, чуть заметное дуновение ветерка; человек напрягся тоже, и по спине его продрал мороз. Померещилось? Стоны, звуки... шелест... блики... Померещилось или нет?..

— Уходи, ведьма, — проговорил он, медленно поднимая бартку.

Женщина стояла на краю освещенного круга.

И он, уже готовый к броску, к удару — отпрянул.

Потому что пришедшая на чистый огонь не была ведьмой.

Тело белое, как овечий сыр. Лицо без единой кровинки; до последней черточки знакомое лицо, только глаза непомерно большие, больше, чем были при жизни.

Ее имя так и не соскользнуло с его губ. Губы не повиновались ему; женщина медленно покачала головой, не отводя странного, прозрачного, печального взгляда. Тонкая кожа, кажется, просвечивает насквозь. Бесконечно родное лицо.

— Ты... пришла... а дети... спят.

А что он мог еще сказать?!

— Дети... спят. Я скажу им... что ты... приходила.

Движение головы — «нет».

Он поднялся. Сделал шаг. И еще шаг, и еще; ему казалось, что стоит протянуть руку — и пальцы ощутят ткань ее сорочки. И тепло ее кожи. И прикосновение волос.

И все вернется.

Он забыл о чистом костре. Он забыл и о ведьме — бездумно тянулся и тянулся и шагал в темноту, вслед за той, под чьими ногами не колыхались травинки. Она отступала, будто маня за собой, смущенно улыбаясь, прикладывая к губам тоненький бесплотный палец.

— Пого...ди...

Ее лицо вдруг переменялось. В матовых глазах стоял теперь ужас; она смотрела ему за спину.

Он обернулся.

Там, где плескался среди темноты сильный еще костер, стоял теперь лесной чугайстер.

Лесной человек, хранящий людей от нявок. Пришедший затем только, чтобы пожрать эту женщину, нявку, навь.

И пусть белая женщина уже растворилась во мраке леса — человек знал, как просто чугайстеру догнать ее. Догнать мгновение спустя.

И он шагнул вперед, сжимая белыми пальцами бесполезную сейчас бартку. Что за дело лесному чугайстеру до изящного топорика, до его острого лезвия... Люди знают лишь один способ остановить чугайстера. Ненадолго...

И человек шагнул снова, развел руки приглашающим широким жестом:

— Потанцуем? Потанцуем, дядьку?

Лесное порождение молчало, и на широком лице, заросшем кольцеватой шерстью, человек прочитал насмешку. Слишком близко нявка, слишком близко добыча, чугайстер не прерывает свою охоту даже ради любимой забавы...

— Потанцуем?! — Человек залихватски присел, и бартка в его руках завертелась широким сверкающим кругом.

— Зачем ты стоишь у меня на пути? — спросил чугайстер. Голос его был как скрип старой ели.

Человек остановился, едва не выронив топорик.

— Нявка несет тебе смерть. — Черные собачьи губы чугайстера растянулись в ухмылке. — И все же ты не хочешь, чтобы я убил ее?

Человек молчал. Чугайстер качнулся вперед:

— Пусть ты одолеешь ведьму — но навь тебе не одолеть никогда, потому что нава — это отчасти ты сам... Ты не боишься жить — и все же не хочешь, чтобы я убил твою навь?..

Человек молчал.

— Хорошо же, — сказал чугайстер, и от голоса его тяжелые ели испуганно вздрогнули. — Пусть твоя нявка заведет тебя в туман над обрывом.

Чугайстер ушел.

Еловые ветви на его пути не качались.

Глава 1

Впервые за много дней Ивга позволила себе расслабиться.

Человек, все эти дни настороженно ее изучавший, наконец успокоился и даже расцвел. Какая-то ее шутка заставила его хохотать до слез, и, отсмеявшись, он потребовал, чтобы невестка перестала величать его «профессором Митцем», а звала как подобает — папа-свекор; Ивга расцвела в ответ и отправилась разводить костер посреди лужайки для пикников.

— ...Чтобы сердушко хотело, а все прочее могло! — Профессор оказался прямо-таки прирожденным балагуром. — Где двое, там вскоре и третий, а где трое, там и пятеро, выпьем же, ребятки, и пусть нас в мире будет больше!..

Красное закатное солнце дробилось в высоких окнах ее будущего дома. Дома под красной крышей, где на фасаде — балкон, увитый виноградом и оттого похожий на этикетку старого вина. Подрагивал в высоте медный флюгер, и Назар топал через двор, неся под мышкой корзинку со снедью и постоянно что-то роняя — то полотенце, то ворох салфеток, то верткую картофелину.

Потом папа-свекор настроил мандолину; в репертуаре этого серьезного и уважаемого человека во множестве водились игривые, а подчас и фривольные песни. От хохота Ивга дважды уронила бутерброд в костер; папа-свекор поблескивал глазами и шпарил такое, отчего даже у Назара на щеках пробивался смущенный румянец.

Потом папа-свекор вдруг прижал струны ладонью, секунду помигал, глядя в костер, — и завел совсем другим голосом что-то напевное и с длинным сюжетом, где морячка махала платочком с берега, а из моря ее окликала русалка с круглым зеркальцем в руке и гребнем в зеленых волосах, и обе они желали заполучить себе красавца-капитана.

Назар улегся в траву, и голова его оказалась на Ивгиных коленях. Папа-свекор невозмутимо откупорил следующую бутылку, одним глотком отхлебнул полбокала и запел студенческую лирическую; Ивге захотелось подпеть. Не зная ни слов, ни мелодии, она по-рыбьи открывала и закрывала рот, когда в нежную мелодию вмешался шум далекого мотора.

— Кто-то едет, — сонно сообщил Назар.

Ивга напряглась. Она не любила ни новостей, ни перемен, ни незваных гостей, ни даже веселых сюрпризов. Тем более сейчас, когда она разомлела, расплавилась в своем счастье, будто шоколад в ладони, когда у нее нет сил, чтобы защищать свое хрупкое внутреннее равновесие. Новый визитер — агрессор, непрошено вторгающийся в ее мир, где наконец-то, после стольких мытарств, наступили покой и порядок...

Очень хрупкий покой. Вот — далекий шум мотора, и покоя как не бывало.

Назар с сожалением убрал свою голову с ее колен. Поднялся; радостно ухмыльнулся профессору:

— Па, а у Клавдия новая машина? Зелененький такой «граф» с антенкой, да?

Папа-свекор сразу же отставил мандолину:

— Клав?! Елки-палки... Ну, дети мои, будем веселиться до утра...

Ивга молчала. Нехорошо, если они заметят ее разочарование. По-видимому, приехал старый друг; по-видимому, его приезду следует радоваться. В конце концов, явление нехорошего, несимпатичного человека вряд ли привело бы папу-свекра в такой восторг. И Назар не стал бы ерничать у ворот, козырять сидящему за рулем наподобие

дорожного гвардейца и кататься, как маленький, на железной отползающей створке...

Папа-свекор взял мандолину наперевес:

— А вот сейчас, Рыжая, я тебя с выдающейся личностью... Рыжая, что с тобой?!

Зеленая машина неторопливо въехала во двор. Аккуратно и вежливо, будто живое и воспитанное существо, — но фары, прикрытые щитками, показались Ивге мутными глазами чудовища. Кусок бутерброда встал у нее в горле — ни проглотить, ни выплюнуть; из закоулков ее тела поднимались тошнота и муть. Она помнила это ощущение — но тогда, в первый раз, оно было неизмеримо слабее. Теперь же...

— Ивга, что с тобой?!

Назар уже тряс руку того, кто вышел из машины; Ивга видела только спину пришельца, обтянутую светлой рубашкой. Черноволосый ухоженный затылок, гладкий, волосок к волоску...

— Ивга, да что ты?..

— Замутило, — выдавила она с трудом. — Папа-свекор, извините, мне бы в дом... Прилечь...

Прямо перед ней оказались его встревоженные, подозрительные и одновременно радостные глаза:

— Рыжая?! Ты, что ли?.. Дедом я буду, нет?..

Назар уже вел прибывшего к костру; теперь Ивга могла рассмотреть смеющееся лицо нежданного гостя. Совершенно незнакомое. Нет, не его она видела в тот раз, нет...

Почуввав неладное, Назар перестал улыбаться и в два прыжка оказался рядом. От прикосновения его рук сделалось легче — впрочем, ненадолго.

— Извините, — она вымученно растянула губы, стараясь смотреть мимо гостя.

А гость все еще улыбался. Кажется, сочувственно.

Назар взял ее на руки. Прижал к себе крепко, будто котенка; понес к дому, ошарашенно заглядывая в лицо:

— Ну, Рыжая... Или ты съела чего-нибудь, или... Ну, Рыжая... Слушай, а врача не надо?..

Она улыбнулась так успокаивающе, как только могла.

Он внес ее на крыльцо. Невзирая на протесты, втащил на второй этаж — легко, только ступеньки жалобно скрипнули; коленом открыл дверь в ее комнату, уложил на кровать и уселся рядом, не выпуская ее руки.

— Стыдно, неудобно... — она прикусила губу.

Назар мотнул головой, стряхивая со лба жесткую челку. Ободряюще улыбнулся:

— Не бери в голову... Клавдий — свой человек...

Ивга вдохнула — глубоко, так, чтобы воздух дошел до самых пяток. Тошнота уходила, но лихорадочная дрожь оставалась. Бедный Назар; какая неожиданная получилась ложь. И как он искренне обрадовался... Она, выходит, зря морочила себе голову, и все эти слезы в подушку были тоже напрасно. Назар...

Она испытала прилив нежности, такой, что пришлось отвернуться и спрятать лицо в подушке. Нежность — и стыд. Потому что она невольно обманула, потому что причина ее сегодняшнего недомогания не имеет ничего общего с радостным ожиданием потомства...

— Рыжая, а?..

Она провела пальцем по синей жилке на его твердой мускулистой руке:

— Неудобно. Пойди к ним, скажи... Я сейчас оклемаюсь.

Он глотнул. Снова спросить не решился; погладил ее по щеке. Встал, отошел к двери; вернулся снова. Поцеловал ее в макушку. Сорвался с места, беззвучно подпрыгнул до потолка и качнул тяжелую люстру, так что звякнули гроздья подвесок.

— Пацан... — Ивга через силу улыбнулась. — Послушай... А Клавдий — кто?

Он поднял брови:

— В смысле?

Она молчала, не умея сформулировать свой вопрос.

— Клавдий, — Назар почесал за ухом. — Замечательный мужик, папин старый друг... Ну, еще он Великий Инквизитор города Вижны. Вот и все.

— Ага, — Ивга прикрыла глаза. — Иди...

Деревянная лестница снова вскрикнула — потому что Назар прыгал через две ступеньки. Ивга лежала, глядя на тени на потолке, и прохладная постель жгла, будто сковородка.

* * *

Оба молчали, и достаточно долго. В словах не было нужды; оба безмолвно наслаждались летним вечером, дымом костра и обществом друг друга. Гость лениво щурился, и огонек возле его губ неспешно пожирал тонкое тельце дорогой сигареты; хозяин вертел над огнем кусочек ветчины на острой палочке.

Потом из дому вышел Назар. Виновато улыбнулся, подошел к костру:

— Клавдий, вот так получилось... А я хотел вас познакомиться.

Тот, кого звали Клавдием, понимающе прикрыл глаза.

— Что ж ты ее бросил? — сварливо спросил профессор социологии Юлиан Митец. — Оставил одну?

Назар заволновался:

— Я, собственно, только Клавдию хотел, ну, она прощения просила...

Гость нетерпеливо махнул рукой — понял, мол, не болтай чепухи. Назар еще раз виновато улыбнулся и поспешил обратно; двое мужчин у костра проводили его взглядом.

— Ты помнишь? — негромко спросил профессор Митец. — Относительно Назара. Я опасался...

Тот, кого звали Клавдием, кивнул:

— Ага... Он у тебя все никак не вырослел.

Профессор Митец торжествующе улыбнулся:

— Что делают с нами женщины, Клав!.. Выпьешь?

Гость загадочно улыбнулся и выгасил из внутреннего кармана небольшую бутылку, плоскую, как камбала:

— А я вот вчера только из Эгре, столицы, понимаешь, виноделия... И там мне всучили такую вот взятку. Завидно?..